

риодике постоянными, в особенности в специализированных спортивных изданиях, таких как «Шахматный листок» (СПб., 1876); «Шахматный журнал» (М., 1882); «Шахматный вестник» (СПб., 1885); «Шашечница» (М., 1891); «Шахматный журнал» (СПб., 1891); «Шахматы» (СПб., 1891) и др.

Таким образом, можно констатировать тот факт, что спортивная информация по способу опубликования была достаточно активно и разнообразно представлена в российской прессе первой половины XIX века, несмотря на тот факт, что само слово «спорт» еще не было введено в русский язык.

Литература

1. Спорт, охота // Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. М., 1900. Т. III. С. 119–129. URL: http://imwerden.de/pdf/khomyakov_

- полное_sobranie_tom3_1900.pdf.
- Новиков Н.И. Трутень. 1769, 22 июня С. 64. URL: http://books.google.ru/books?id=ivA7QAAMAAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false.
 - О воспитании и наставлении детей для распространения общепользовательных знаний и всеобщего благополучия // Новиков Н.И. Избранное. М., 1983. С. 455–456. URL: http://az.lib.ru/n/novikow_n_i/text_1783_o_vospitanii.shtml.
 - Измайлов В.В. О русском старинном воспитании // Патриот. 1804. Т. II.
 - Масленица // Отечественные записки. 1821. № 11.
 - Качели на Святой неделе // Отечественные записки. 1827. № 85.
 - Московские ведомости. 1805. № 78.
 - Московские ведомости. 1803. № 36.
 - Известия к Санкт-Петербургским ведомостям. 1804. № 74.
 - Московские ведомости. 1805. № 74.

УДК 070:93/94 (571.1)

Н.В. Жиликова

Томский государственный университет

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЖУРНАЛИСТА В ПЕРЕПИСКЕ Ф.В. ВОЛХОВСКОГО И В.Г. КОРОЛЕНКО

В статье анализируются неопубликованные письма Ф.В. Волховского к В.Г. Короленко 1887 года, хранящиеся в рукописном отделе Российской государственной библиотеки. Особый акцент делается на обсуждении в переписке профессиональных журналистских ценностей, условий работы провинциального публициста. Делается вывод об активизации представлений о журналистике как профессии в связи с полемикой томских газет «Сибирская газета» и «Сибирский вестник» (1880-е годы).

Ключевые слова: сибирская журналистика, Ф.В. Волховский, В.Г. Короленко, письма, полемика, «Сибирская газета», «Сибирский вестник».

The article analyzes the unpublished letters FV Volkhovskiy to VG Korolenko in 1887 stored in the manuscript department of the Russian State Library. Special emphasis is placed on the discussion in the correspondence of professional journalistic values, working conditions of provincial publicist. It is concluded that activation of representations of journalism as a profession in connection with the controversy Tomsk newspapers "Siberian newspaper" and "Siberian Gazette" (1880).

Keywords: Siberian journalism, FV Volkhovskiy, VG Korolenko, letters, polemics, "Siberian Newspaper", "Siberian Gazette".

ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ журналистского труда в XIX веке в России происходила достаточно медленно, несмотря на активное развитие периодической печати. Можно назвать целый ряд причин такого положения дел, среди которых не последнюю

роль играла малочисленность сотрудников российской периодики. Из них единицы могли существовать за счет гонораров от публикуемых произведений. Основную прибыль получали издатели, достаточный доход получали писатели, но собственно журналисты стали востребованы в периодической печати только в конце XIX — начале XX века, в связи с активизацией газетного дела. Что же касается провинциальной России, то здесь и на рубеже веков журналистика все еще рассматривалась не как профессия, а как форма особой общественной активности, своего рода «гражданский долг». К примеру, сибирские дореволюционные журналисты были людьми разных профессий: это и врачи (А. Макушин), и ученые-исследователи (А. Адрианов), юристы (В. Картамышев), чиновники и другие представители молодой сибирской интеллигенции. Однако вопросы журналистской этики, соблюдения авторских прав, принципов полемики и другие профессиональные проблемы постоянно обсуждались не только в сибирских газетах и журналах (начиная с 1880-х годов, когда в Томске появились первые частные издания), но и в частной переписке сотрудников периодики.

Целью настоящей работы является выяснение представлений провинциальных дореволюционных журналистов о профессиональных журналистских ценностях. Материалом исследования послужили неопубликованные письма Ф.В. Волховского к В.Г. Короленко.

ленко, хранящиеся в Рукописном отделе Российской государственной библиотеки (г. Москва), где они и были обнаружены автором статьи. Исследование писем, особенно относящихся к 1880-м годам, позволяет познакомиться с особенностями работы провинциального журналиста и писателя, выяснить подоплеку некоторых событий Томска и отношение к ним современников, а также выявить представления Ф.В. Волховского о качествах, необходимых работникам периодической печати.

«Сибирская газета» против «Сибирского вестника»: суть и участники конфликта

Вопрос о профессиональных ценностях возник с особой остротой в среде томских журналистов в связи с конфликтной ситуацией, образовавшейся при возникновении в Томске второй частной газеты — «Сибирского вестника» (1885–1905). Этот этап развития томской журналистики привлекает особое внимание многочисленных исследователей (см., напр., [1–4]), так как он позволил прояснить и «озвучить» позиции участников конфликта.

«Сибирская газета» (1881–1888) была первой частной газетой Томска, она носила оппозиционный характер, защищая интересы Сибири в полемике с «централистами», выступая против колониальной политики самодержавной России по отношению к сибирскому региону (о газете см. подробнее: [5–8]). Основателем газеты был прогрессивный томский предприниматель П.И. Макушин, а среди нескольких редакторов издания особенно выделяется фигура А.В. Адрианова — ученого, путешественника, публициста, последовательного областника, который был лично знаком с лидерами областничества Г.Н. Потаниным и Н.М. Ядринцевым. Адрианову удалось привлечь к сотрудничеству многочисленных представителей молодой сибирской интеллигенции — врачей, чиновников, учителей не только Томска, но и других российских городов. С другой стороны, в «Сибирской газете» сотрудничали многочисленные политические ссыльные, в основном бывшие активные участники народнического движения, а «неофициальным редактором» газеты и центром притяжения для всех невольных жителей Сибири с 1882 года стал Ф.В. Волховский [9]. Как писал Л.Л. Ермолинский, «едва ли какая-нибудь провинциальная газета 80-х годов могла соперничать с томской в подборе сотрудников» [2. С. 25].

Недовольство томских властей политикой первой газеты привело к идее создания второго частного издания — «Сибирского вестника», который, в противовес «областнической» «Сибирской газете», объявил себя «органом русских людей в Сибири». Основателем и редактором этого издания был юрист В.П. Картамышев, сотрудниками газеты стали по преимуществу тоже невольные жители Сибири, однако попавшие в ссылку не по политическим, а по уголовным делам. Это бывший директор-распорядитель лопнувшего московского ссудного банка П.М. Полянский, сосланный по делу о

«черновых валетах» адвокат В.М. Долгоруков и др., а также одна из одиозных томских фигур этого периода — Е.В. Корш. Будучи сыном видного русского публициста и историка журналистики В.Ф. Корша, юристом, который выступал защитником народников, издателем-редактором столичной газеты «Северный вестник», Корш в итоге был осужден за махинации с деньгами клиентов и сослан в Томск в 1880 году. В Томске Корш вошел в редакцию «Сибирской газеты», стал ее литературным критиком и, по словам современника, немало помог становлению издания: «Трудолюбивый, способный, преданный газетному делу, он принимается в состав редакции возникающей газеты и с первых же номеров становится необходимым. Большинство сотрудников были совершенно незнакомы с техникой газетного дела. Е. Корш явился их учителем и вместе учеником. Бесхарактерный, легко поддающийся влиянию, он быстро воспринимал взгляды окружающих и умело проводил их в газете» [10. С. 290]. Однако из-за внутриредакционного конфликта он покинул издание и через четыре года примкнул к его конкуренту — «Сибирскому вестнику» (о нем подробнее: [11]).

Полемика между «Сибирской газетой» и «Сибирским вестником» касалась нескольких вопросов. Во-первых, это вопрос об областничестве: газета Картамышева обрушилась на «Сибирскую газету» с обвинениями в «сепаратизме», в том, что здесь ставится вопрос об отделении Сибири от России, в то время как по всей стране живут одни и те же русские люди. Эти обвинения «Сибирская газета» последовательно опровергала, поскольку отстаивала понимание областничества как требования равных прав столицы и провинций в рамках единого государства и никогда не ставила вопроса о некоем мифическом «отделении». В рамках этой же дискуссии рассматривались такие вопросы, как постройка сибирской железной дороги и т.д.

Вторым «камнем преткновения» для газет стал вопрос об участии в издании уголовных ссыльных. «Сибирская газета» высказала идею о том, что такие люди не могут быть руководителями общественного мнения, каковыми, по ее мнению, являются работники периодической печати. «Сибирский вестник», в свою очередь, яростно нападал на местных публицистов областнического толка, пытаясь обличить их в невежестве, передергивании фактов, ограниченности и т.д. Постоянным объектом критики «Сибирского вестника» стал Н.М. Ядринцев, в то время редактор столичной газеты «Восточное обозрение»: он не являлся сотрудником «Сибирской газеты», но воспринимался как идеологический лидер сибирской областнической прессы.

Кроме вышеперечисленных вопросов, газеты обсуждали судьбу первого сибирского университета, который открылся только в 1888 году; обвиняли друг друга в плагиате, приводя примеры и с той, и с другой стороны; выступали сторонниками тех или иных лиц в томской администрации, оказывая информационную поддержку своим кандидатам на выборах, и т.д. [6. С. 193–214].

Оживленная полемика между газетами отразилась даже в произведении художественной литературы: ее описал в своем романе-фельетоне «Не столь отдаленные места» (публиковался в «Сибирской газете» на протяжении 1886–1888 годов) К.М. Станюкович, который отбывал административную ссылку в Томске в 1885–1888 годах.

О противостоянии газет знали и другие известные публицисты и писатели конца XIX века — Г.И. Успенский, который приезжал в Томск в 1888 году; Г.А. Матчетт, Н.И. Наумов и другие, в том числе В.Г. Короленко. Короленко посещал Томск трижды: «...два раза он смотрел на него из окон тюрьмы. Третий раз, возвращаясь из ссылки, он вошел в него свободным человеком. И три раза Томск оставляет след в его жизни, и все встречи с этим сибирским городом он воспроизведет позднее в своей главной и итоговой книге — “История моего современника”» [12. С. 75]. Именно в третий раз, в 1884 году, состоялось знакомство Короленко с редакцией «Сибирской газеты», о котором вспоминал впоследствии один из членов редакции, С.Л. Чудновский [13. С. 83–84]. Чтение рукописи «Сна Макара», обсуждение ее коллективом редакции и «томской колонией» политических ссыльных, общение с Короленко в равной степени произвели сильное и глубокое впечатление на участников встречи. Свидетельством тому — не только изменение финала «Сна Макара» [12. С. 87], но и продолжение контактов после отъезда. В Томске В.Г. Короленко лично познакомился с Ф.В. Волховским, с которым у него и завязалась впоследствии довольно оживленная переписка.

Журналист и нравственность

В настоящей статье автор считает необходимым привести достаточно большой отрывок из письма Ф.В. Волховского к В.Г. Короленко от 16 ноября 1887 года, поскольку он дает представление о позиции «неофициального редактора» «Сибирской газеты» по отношению к конкурирующему «Сибирскому вестнику»:

«...Из Вашего письма я вынес такое впечатление, что разногласия наши едва ли принципиальны по вопросу о представлении в литературе проповедников нравственности из червонных валетов. Скорее фактический багаж, с которым мы отправляемся в эту экскурсию — разный. Вы сами пишете: “Сибирскую Газету я здесь долго не получал”. То и жаль. Если бы ее читали из номера в номер весь 1886 год, — Вы бы, во-первых, не стали ее винить за грехи “Восточного обозрения”: и дети не отвечают за грехи родителей, — Сибирская же Газета даже не состоит к Восточному Обозрению в подобном подчиненном близком родстве. Затем, Вы увидели бы, что полемика наша нередко была обоснована принципиально. Я подписываю обеими руками все, что Вы говорите о гуманном отношении к раз оступившемуся человеку, который де может ведь еще опять стать на ноги. Так все мы и относились, например, к Коршу: я с женой бывал у него и он бывал у меня; мало этого: я допускал закрепление наших отношений до типа поч-

ти приятельского. Отношения эти были нарушены не журналистскими делами, а посторонними обстоятельствами, показавшими мне, что Корш так безнадежен в своей нравственной неразборчивости и дряблости. Но я привожу это не для того, чтобы Вы видели, что Ваш рецепт не только был и моим рецептом, но и был выполнен. Но такое терпимое, гуманное отношение возможно было лишь до тех пор, пока дело касалось частной жизни этих людей и сферы труда. Пока они были частными, заурядными людьми, влияющими на ход общественной жизни лишь постольку, поскольку влияет каждый рядовой своими способностями, — до тех пор никто их не трогал. Но им этого было мало. Они зазнались и выступили в ролях глашатаев нравственности, публицистов, руководителей общества и организаторов всего того отстоя уголовной интеллигенции, который, по своим способностям, чувствует необычайный аппетит и свое право развернуть крылья (но по юридическому положению — не может), а по его нравственному индифферентизму, или испорченности и не должен [здесь и далее подчеркнуто Волховским. — Н.Ж.] быть к тому допущен. Для этого элемента, блистающего фасоном своих визиток, покупаемых на “сбережения” от “позаимствований” кассы (Т-ского банка Аелинча), знающего всякие хорошие слова, выражающегося не иначе, как литературно и продающего ежедневно Христа не иначе, как вымытыми глицериновым мылом руками — для этого элемента “Сибирский вестник” стал новой обетованной землей: тут они могли с высоты сознания своего превосходства над “желторотыми”, неуклюжими челдонами и “помешанными” социалистами разговаривать с публикой, в свободное от мошенничества время, о либерализме, о том, что обществу нет дела до нравственного общественного отличия (тема одного из фельетонов Полянского), об искусстве, внушая и без того не очень нравственно развитому сибиряку невольное уважение к своему уму и приучая — коль скоро есть ум — даже и не спрашивать о нравственности. Между тем, если печать может помочь и их профессиональным делишкам — они и тут ею пользуются: кинуть тень на враждебного клике человека, похвалить собаку-исправника, “чтоб ласкова была” и пр. и пр. — все это было. Вы скажете: за это и казни каждый раз. Но разве это возможно? Хорошо, как ошельмованный честный человек из своего угла подаст голос, или за него кто ступится. А то ведь только в том месте, где он оплеван, все это и известно. Затем примите в расчет цензуру, и которой для “официальной” и “оппозиционной” газет разные мерки. Но если бы и были все отдельные кунштюки Сибирского Вестника Сибирской Газете известны, то за ними не угнаться. Однако, мы пробовали. В номерах, посланных Ал. Ал-чу, Вы найдете кое-что в этом направлении, но это не все. Так, я, к сожалению, не мог достать 10-го номера “Сибирской газеты” 1886 года, где вторая передовая написана мною и касается именно литературной честности и литературных нравов Сибири. “Раскрытие псевдонимов и инкогнито, действительно, не принято в литературе”, говорится

там, “и говоря безотнositельно, оно неприлично. Но есть нечто, стоящее выше требований одного “приличия” — это — требование нравственности, требование долга в отношении к обществу”. “Журналисту (при нынешнем положении печати) приходится прибегать к компромиссам между добром и злом, а это такая область, где лишь тонко развитое нравственное чутье и большая сила воли могут указать ту черту, переход за которую был бы изменой интересам добра и развития”. Журналиста стараются запугать, и подкупить. Вот почему, “устранить людей с некрасивым прошлым от сотрудничества было бы, может быть, несправедливо; но от сотрудничества, до руководства — огромное расстояние. Сотрудничество, под контролем редакции, в честности и стойкости которой общество уверено, — не может представлять для него никакой опасности; но если люди сомнительной нравственности возьмут в свои руки газету — то они легко могут внести в общество разврат мысли; и не только — по злонамеренности, а подчас и по недостатку в развитии нравственного чутья. Понятно ли теперь, что тот самый “уголовный ссыльный, который мог быть допущен к сотрудничеству в среде честных людей, не может быть допущен к руководству общественной совестью по всей своей воле”, и что публика должна знать и иметь в виду, что такой-то орган находится именно в подобных руках?”

Не думаю, что Вы не признали этой точки зрения правильною. А раз Вы с нею согласитесь, Вы должны согласиться и с правом “Сибирской Газеты” постоянно указывать на то, что вся редакция “Сибирского Вестника”, кроме самого официального редактора, успешного улететь от приговора Совета присяжных поверенных, состоит из людей, осужденных за подлоги, воровство, мошенничество и казнокрадство. Если бы еще газета этих господ с первого момента и до последнего держала себя [зачеркнуто Ф.В. Волховским — хорошо] независимо и безупречно и если бы никто не знал о составе ее редакции, то еще можно бы нас упрекнуть. Но в том-то и дело, что в Томске, а стало быть, и в Сибири, шила в мешке утаить невозможно, газета же с первого своего номера в 1885 году стала проводить свирепствующую ныне “русскую идею”, одетую в казенную форму, стала побранивать Общественное Городское управление и в частности ненавистных Ивану Ивановичу людей, стала печатать сообщения о тех благодеяниях (по почтовому ведомству), которые должен был оказать населению Иван Иванович, скромно умалчивая о страшной тягости, навязанной им населению. В виде сотских и десятских. Может быть Вы скажете, что мы слишком увлекались этой стороной полемики. Но сказали ли бы Вы это, если бы предварительно едких выходов в стихах и прозе прочли наши серьезные полемические статьи, да и самый “Вестник” читали бы внимательнее и с знанием всех местных намеков, иногда составляющих весь букет “ведомства императрицы Марии”, как дорогой мой Герман называл [слово зачеркнуто Волховским]? Сказали бы это, если бы были поставлены цензурой в невозмож-

ность говорить по многим пунктам принципиально, если бы имели в виду, для какой публики мы пишем?

Как бы то ни было, отстаивая прошлое, я не предполагаю возобновлять того же в будущем. Редакция “Сибирской Газеты” убеждена, что теперь “Сибирский Вестник” уже вычислен вполне в глазах тех, кто могли иметь на его счет иллюзии; на его же собственную публику мы и не покушаемся. Итак мы постараемся игнорировать “Вестник”, а если придется полемизировать принципиально, то, по возможности, не называть его: “одна газета” говорит... и только» [14. Л. 12–16].

Необходимо отметить, что приведенный отрывок является, пожалуй, самым развернутым выступлением Ф.В. Волховского, из которого можно узнать о его взаимоотношениях с Коршем и редакцией «Сибирского вестника»: в периодике все были достаточно корректны, личная же переписка позволила высказать без обиняков истинную оценку «конкурентов». И не случайно в письме на первый план выходит требование нравственности от журналистов как руководителей общественного мнения: это соответствовало и установкам самого Ф.В. Волховского, и особому положению, в котором пребывала сибирская периодика в конце XIX века. Общество, по мнению Ф.В. Волховского, было необходимо воспитывать, просвещать, развивать, но делать это может только человек воспитанный, просвещенный, развитый, высокообразованный и нравственный. Именно таким должен был быть журналист, сотрудник периодической печати.

Высокие требования, предъявляемые журналистами «Сибирской газеты» к газетному работнику, свидетельствовали о том, что они понимали важность таких профессиональных ценностей, как порядочность и нравственность журналиста, соблюдение авторских прав, отстаивание собственных убеждений в корректной полемике и т.д. Размышления местных публицистов над этими проблемами способствовали профессионализации журналистского труда в Сибири в конце XIX века — процесса, который получил более полное воплощение в деятельности ведущей газеты «Сибирская жизнь» (1894–1918), которую можно назвать «преемницей» «Сибирской газеты».

Литература

1. Гольдфарб С.И. Газетное дело в Сибири: первая половина XIX — нач. XX в. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 2002. 312 с.
2. Ермолинский Л.Л. Сибирские газеты 70–80-х годов XIX века. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 136 с.
3. Любимов Л.С. История сибирской печати. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1982. 78 с.
4. Мандрика Ю. Провинциальная частная печать: спорные вопросы становления периодики Сибири. Тюмень : РИЦ ТГАКИ, 2007.
5. «Сибирская газета в воспоминаниях современников» / вступ. статья, подгот. текста и коммент. Н.В. Жиликовой. Научн. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск : Изд-во НТЛ, 2004. 200 с.
6. Жиликова Н.В. Журналистика города Томска (XIX — начало XX века): становление и развитие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011.

- С. 128–160.
7. Жиликова Н.В. «Сибирская газета» // Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города / под ред. д-ра ист. наук Н.М. Дмитриенко. Томск : Изд-во НТЛ, 2004. С. 310.
 8. Жиликова Н.В. «Сибирская газета» // Российская провинциальная частная газета / сост. Л.Е. Кройчик; под ред. Л.Е. Кройчика и Ю.Л. Мандрики. Тюмень : Мандр и Ко, 2004. С. 207–236.
 9. Круссер Р.Г. Негласный редактор «Сибирской газеты» // Огни Кузбасса. 1978. № 3. С. 72–79.
 10. Крутовский В. Периодическая печать в Томске // Город Томск. Томск, 1912.
 11. Жиликова Н.В. Творческая биография Е.В. Корша (к вопросу о деятельности ссыльных в провинциальной печати) // I-формат. Журналистика провинции: альманах / под ред. Г.Г. Матишова, В.А. Шаповалова, О.И. Лепилкиной. Вып. 6. Ставрополь : Изд-во Ставропольского госуниверситета, 2010. С. 156–166.
 12. Янушкевич А.С. Томские университеты В.Г. Короленко // Русские писатели в Томске. Томск : Водолей, 1996. С. 75.
 13. Чудновский С. Из дальних лет // Вестник Европы. 1912. № 3. С. 183–184.
 14. РГБ. Рукописный отдел. Ф. 135 (В.Г. Короленко). Раздел II. К. 20. Ед.хр. 52. 29 лл.

УДК 147.7;165.612

Г.С. Криницкая

Томский государственный университет

ПРОБЛЕМА РУССКОЙ ДИПЛОМАТИИ В ТЕОРИИ ИСТОРИИ Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО

В статье рассматриваются основные принципы русской дипломатии, сформулированные Н.Я. Данилевским в работе «Россия и Европа». Главное внимание уделяется исследованию Данилевским политических оснований российской дипломатии на всем протяжении существования Русского государства.

Ключевые слова: политика, дипломатия, культурно-исторический тип, Всеславянский союз, «русская идея».

The article discusses the basic principles of Russian diplomacy, articulated by N.Y. Danilevsky in «Russia and Europe». The main attention is paid to the political foundations of Russian diplomacy throughout the existence of the Russian state.

Keywords: politics, diplomacy, cultural-historical type, Pan-Slavic Union «Russian idea».

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ и политика после двух десятилетий покорного следования в фарватере западного, а по сути — американского глобалистического мышления возвращается сегодня к чистым истокам русской общественной мысли, к «русской идее», ибо, как показывает практика, именно России принадлежит великая миссия сохранения мира на Земле.

Всестороннее обоснование этой мысли дано в многочисленных трудах выдающегося русского мыслителя XIX века Николая Яковлевича Данилевского. Важнейшим из его исследований, принесшим Данилевскому мировую известность, бесспорно, является монография «Россия и Европа». Исследуя историю развития «русской идеи» в контексте мировой истории, Данилевский разработал теорию культурно-исто-

рических типов (цивилизаций) и, определяя прогноз мирового исторического процесса, дал всестороннее обоснование основных принципов, или правил, неуклонное следование которым способно гарантировать ведущую роль России в обеспечении мирового сосуществования государств с различным общественно-политическим строем и культурными традициями.

Анализируя общие результаты деятельности всех выявленных им культурно-исторических типов на протяжении многих столетий и сравнивая их с особенностями славянского типа и русского народа, прежде всего, Данилевский пришел к двум важнейшим выводам:

1. Общечеловеческой цивилизации не существует и не может существовать по причине ее невозможности и исторической неполноты; понятие общечеловеческого не имеет в себе ничего реального и действительного, оно даже уже понятия о племенном или народном; всечеловеческой цивилизации также не существует и не может существовать, поскольку этот идеал может быть достижим только последовательным развитием всех культурно-исторических типов, своеобразной деятельностью различных народов.

2. Славяне — это отдельный культурно-исторический тип со своим самобытным сознанием, религией, культурой, психическим складом и языком.

Отсюда он высказывает свою «основательную надежду» на то, что славянский культурно-исторический тип в первый раз в мировой истории представит синтез всех сторон культурной деятельности в обширном значении этого слова: «Мы можем надеяться, — пишет Данилевский, — что славянский тип будет первым полным че-